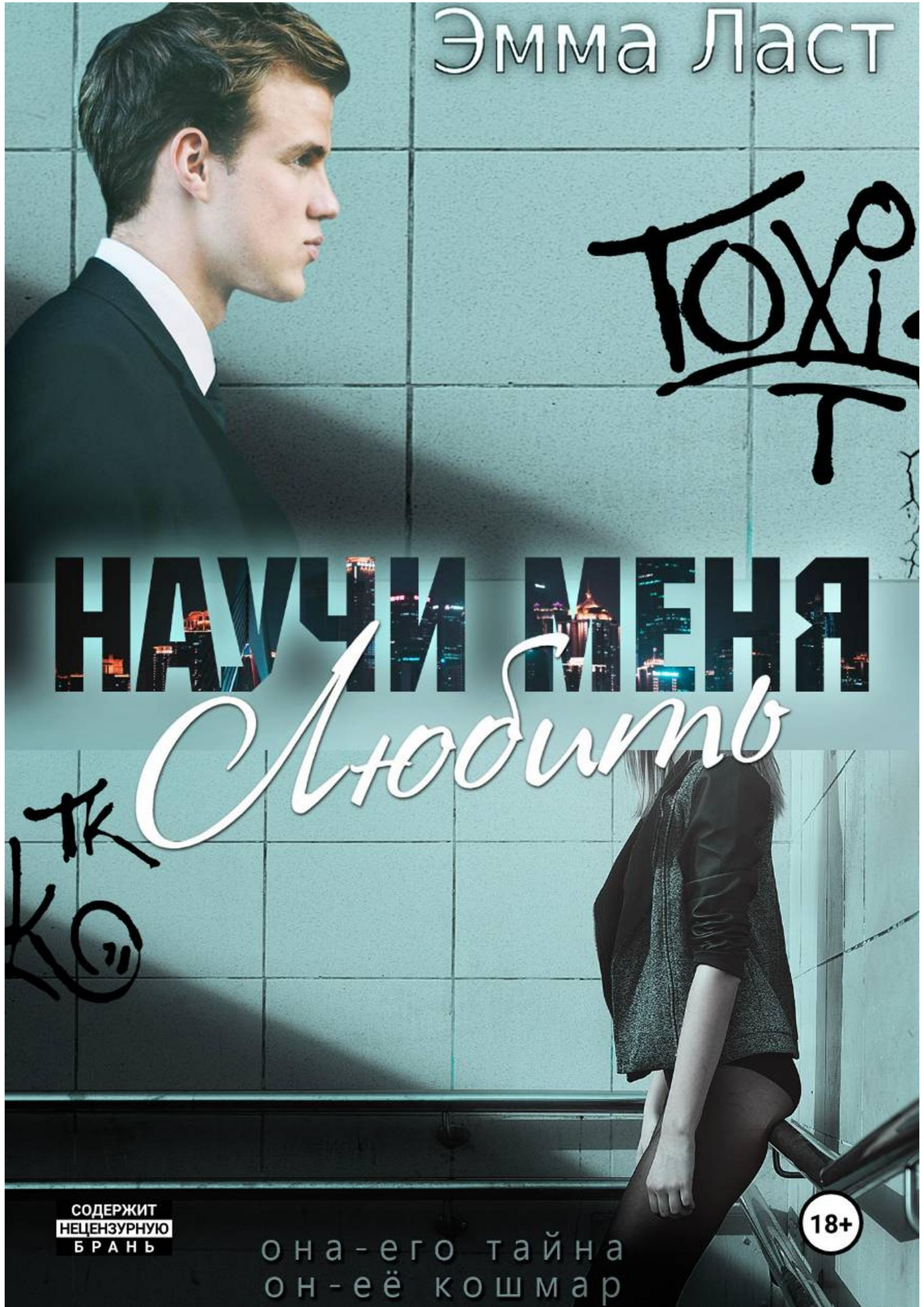
Эмма Ласт

НАУЧИ МЕНЯ Любить



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

она-его тайна
он-её кошмар

Эмма Ласт

Научи меня любить

«Автор»

2022

Эмма Ласт

Научи меня любить / Эмма Ласт — «Автор», 2022

Не всем счастье дается легко, иногда за него приходится бороться. Первый спуск в Московскую подземку мог стать для Марины последним, если бы не случайный спаситель. Он не друг и не враг. Он - чужой, ассимилированный коллективным разумом Спор. И как бы Марина ни хотела забыть эту ночь и пережитый ужас, теперь они неразрывно связаны. Его тайной и Ее кошмаром.Содержит нецензурную брань.

© Эмма Ласт, 2022
© Автор, 2022

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 8
ГЛАВА 3 12
ГЛАВА 4 16
ГЛАВА 5 18
ГЛАВА 6 21
ГЛАВА 7 24
ГЛАВА 8 27
ГЛАВА 9 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Эмма Ласт
Научи меня любить

ГЛАВА 1

Июнь, 2008 г.

Виталик мнет в ладонях мою грудь, смешно причмокивая от нетерпения, а я с улыбкой наблюдаю за ним сверху вниз. Удовольствие - дорогая штука, и сейчас оно настаивается внутри, как дорогое вино, которым я, похоже, не успею насладиться.

На пороге гостиной зависает незнакомая мне мадам, и мы какое-то время молча изучаем друг друга. Вкус у Витали, надо сказать, отменный, и девочку можно хоть сейчас отправлять на обложку дорогого глянца. Отмечаю про себя связку ключей в ее кулаке и закатываю глаза.

Судя по всему незваная гостья здесь только одна.

Я перевожу взгляд на Виталю, который самозабвенно зарывается лицом в мое декольте. Он так занят процессом, что ничего не замечает, и я не спешу его останавливать. Откидываю волосы назад и с вызовом смотрю незнакомке в глаза. Интересно, кроме внешности и квартиры, у нее другие достоинства есть?

Мой несостоявшийся любовник тихо стонет, и я ему, конечно, подыгрываю: прикусываю нижнюю губу и зарываюсь пальцами в светлые кудри. В голове играет музыка из вестерна, и очень хочется приложить Виталю чем-нибудь тяжелым, чтобы не чавкал, но прервать зрительный контакт с соперницей - значит проиграть, а проигрывать я не люблю. Поэтому делаю лицо ровнее и палю по пигалице огнем из глазищ на расстоянии.

Она бледнеет, и я отсчитываю секунды до позорного отступления. Ее, конечно, ведь в мои планы бегство из квартиры Витали без оргазма не входит, но у красотки обнаруживается гордость, и я начинаю жалеть, что не приняла приглашение Олега.

Виталя тянется к моей юбке, намереваясь задрать ее повыше, и незнакомка меняется в лице. Ее глаза сужаются до узких щелок, которые не разглядеть сквозь воинственные ряды наращенных ресниц, и я понимаю, что дело - дрянь. В полной тишине она делает шаг, раскручивая над головой сумку, и я с каким-то диким весельем наблюдаю за тем, как длинная цепочка превращает брендовую вещь в смертоносное осадное орудие под волшебным названием требушет.

Есть такой вестерн - Хороший, Плохой, Злой.

Почему я вспоминаю о нем именно сейчас? Наверное, потому что состоявшийся водевиль как нельзя лучше раскрывает эту тему: фурия, заставшая нас за непотребством, становится Злой, я, вне всяких сомнений, остаюсь Хорошей, а Виталик, за неимением других вариантов, примеряет роль Плохого.

Сумка совершает неполный круг и со свистом прилетает обманщику по хребту, и я ору не своим голосом, когда он прикусывает мой правый сосок и с силой сжимает в кулак левый. Брюнетка подвывает в ответ, а я, зацепив по пути сумку и любимые лабутены, сбегаю в коридор и вываливаюсь на лестничную клетку.

- Сволочь! У нас свадьба через месяц, ты совсем офигел!? - летит вдогонку, и уже за закрытыми дверями лифта я начинаю хохотать.

Любовь и боль, боль и истерика, истерика и одиночество - верные спутники не изменяют мне и сегодня. На часах начало второго ночи, телефон разряжен, и я даже не надеюсь вызвать такси. В шелковой блузке без лифчика я выхожу в теплую летнюю ночь родной столицы и, укачивая на руках поруганную грудь, бреду в сторону метро.

Станция ярко освещена. Я жмурюсь и останавливаюсь напротив кассы. В кошельке только пятитысячные. Вздыхаю и, не глядя, кидаю купюру в окошко. Она трепыхается и пролетает мимо блюдечка, оседая где-то за пределами видимости.

- Черт! Ладно, на сдачу купите себе конфет.

Грудь адски болит.

- Ну, и козел же ты, Виталя… - шепчу в пустоту, но билет так и не появляется.

С мыслью, что работники метрополитена в конец охренели, я заглядываю за бронированное стекло.

- Ау, ты там умерла что ли? Билет мне дай!

Ответа нет, как впрочем, и кассирши по ту сторону окна.

- Ну, не хотите, как хотите.

Зажав сумочку под мышкой, я подхожу к турникетам с твердым намерением за раз вспомнить все, чему меня в детстве учили на занятиях по художественной гимнастике. Задираю юбку повыше, до самых ягодиц, чтобы удобнее было лезть на ту сторону, но на табло загорается зеленый свет, и дверцы сами распахиваются.

Сверкнув задом для красоты, становлюсь на эскалатор и припадаю на одну пятку. Как же я устала. Ноги ноют - одиннадцати сантиметровые шпильки не оставляют им шанса. Конечно, лабутены в принципе для метро не предназначены и вряд ли хоть раз спускались под землю, по крайней мере, по доброй воле.

Я улыбаюсь и выхожу на станцию.

Лабутены, это ваше месть, да? Изощренное издевательство над той, что посмела осквернить идеальные красные подошвы немытыми полами! Хотите на ручки? Простите, милые, не сегодня. Сегодня мы страдаем вместе ради поруганных двойняшек.

В полном одиночестве я ищу глазами нужную ветку. Ехать недалеко, всего три станции без пересадок. Я выхожу к путям и расстегиваю верхние пуговицы на блузке, оценивая причиненный ущерб. Левая грудь красная и припухшая. Завтра будет синяк, сто процентов. Я глажу ее пальцами и закусываю губу - больно. С правой грудью все не так гладко. Четко вижу две кровавые отметины от зубов над соском и две внизу. Ореола цела, но укус выглядит хуже, чем я ожидала. Как бы не пришлось от бешенства уколы колоть. Ничего, моя маленькая, сейчас мама привезет тебя домой и подлечит.

Я возвращаю блузку на место, лелея надежду, что дома в аптечке найдется что-то от заражения, типа перекиси. Ну, а если нет, то в баре есть столичная, ничем не хуже. По крайней мере, душевные раны она залечивать умеет даже лучше.

На станцию тянет чем-то приторно сладким с кислинкой. Потом раздается скрежет, и из темного тоннеля на свет выныривает покатый нос поезда. В мгновение ока мимо пролетает пустая кабина машиниста, и тошнотворный запах сменяет другой, не менее «приятный» - запах сырости и земли. Срабатывают тормозные системы, и поезд останавливается, распахивая передо мной двери вагона.

Лампа в проходе нервно мигает, но не тухнет, давая в полной мере насладиться видом старых драных сидений во всем их убогом великолепии. Кто бы мог подумать, что городской метрополитен в таком плачевном состоянии. Мелькает шальная мысль подождать следующий поезд, но я ее отбрасываю. Шагаю в вагон, и дверцы захлопываются за спиной. Поезд набирает скорость, а я ищу глазами более-менее приличное сидение.

Как же хорошо!

Я разминаю ноющие икры и откидываюсь на спинку. Сколько мне ещё станций ехать, две или одну? Шарю глазами по вагону в поисках карты, но вокруг одна реклама. Бессмысленные листовки на стенах, потолке и полу. Грязные, в темных потеках чего-то явно неприятного на вид.

Я встаю и подхожу ближе к дверям. И где же карта метро?

Поверх предупреждающей надписи и отдельно от прочих листовок висит черно-белая фотография альбомного формата. Двое детей: мальчик в выходном костюме и девочка в воздушном платьице чуть помладше, взявшись за руки, стоят на фоне разрушенного города, а позади них в небо уходят десятки дымовых труб.

Дети улыбаются. Словно нет вокруг разрухи и запустения, закопченного неба над головой и человеческих тел, погребенных под обломками вокруг. Они улыбаются так, как улыбаются дети с семейных фотографий, когда у них есть мягкие постельки, дорогие игрушки и любящие родители. На постере нет ни душещипательного слогана, ни адреса, ни номера телефона. Только отпечаток синей ладони поверх улыбающихся лиц.

Меня пробирает дрожь отвращения, и я окончательно признаю свое поражение: карты метро в вагоне нет. Зато листовки с отпечатками синих ладоней висят везде, где только можно. Я оборачиваюсь, и мимо проносится пустая станция. Не сбавляя хода, поезд ныряет в очередной тоннель.

Какого черта здесь творится!?

Пока соображаю, еще одна станция пролетает мимо, и я вдруг вспоминаю про пустую кабину машиниста. Пустую, мать твою, кабину! Всплеск адреналина заставляет сердце удариться о ребра, но я одергиваю себя раньше, чем успеваю поддаться панике. Ну, а что, искусственный интеллект в деле. Дистанционное управление, модернизация метрополитена… кажется, я читала об этом в новостном дайджесте.

Перехватываю сумочку поудобнее и иду к дверям, что отделяют пустые вагоны вагоны друг от друга. Как там дядя говорит, проблему нужно решать с головы? Значит, так и поступлю - найду чертового машиниста и превращу эту ночь в его персональный кошмар.

ГЛАВА 2

Следующий вагон мало чем отличается от предыдущего. Те же рваные сиденья, грязный пол и окна, заклеенные сектантскими листовками. Держась за поручни, я с трудом удерживаю равновесие. Скорость поезда увеличивается с каждой минутой. Это чувствуется по нарастающей амплитуде, с которой раскачивается из стороны в сторону вагон, что мне совершенно не нравится.

Правую ногу сводит судорогой. Я опускаюсь на грязное сиденье и сбрасываю лабутены. Как от сердца отрываю, но ногу клинит адски: большой палец ведет в сторону, и я разминаю сустав, чтобы хоть как-то снять спазм.

- Вот зараза, никогда больше их не надену! - думаю вслух и тут же ужасаюсь своим мыслям. - Простите, хорошие мои, это все нервы.

В вагоне становится светлее и, подняв голову, я вижу третью по счету станцию, но поезд не останавливается. Продолжая мерно раскачиваться, он несется вперед, отсчитывая по секундам кафельные колонны.

Одна, две, пять…

Забыв о туфлях, я бросаюсь к дверям, всем телом налегая на предупреждающую надпись.

- Выпустите меня! - кричу, барабаня кулаками по стеклу, и замечаю за одной из колонн парня в светоотражающей жилетке работника метро.

На ничтожно малое мгновение наши взгляды пересекаются, и станцию сменяет бетонная стена тоннеля. Крик застревает в горле, и я отшатываюсь от окна, вообще не понимая, что происходит. Спину холодит металлический поручень, но перед глазами все еще стоит он: худой полуголый парень с синими руками.

Я перевожу взгляд на приклеенные к потолку листовки с отпечатками ладоней, и на этот раз быстро погасить панику не получается. Дико хочу наружу, под затянутое облаками столичное небо, подальше от всего, что здесь творится, и прямо сейчас! Я поднимаю с пола лабутены – даже самый сильный страх не может заставить меня оставить их – и снова бегу вперед, к голове поезда.

В отличие от предыдущих, в этом вагоне сидений нет, только металлические каркасы, прогнившие изнутри. Пол устлан сплошным ковром из старых газет и журналов, многие из которых выгорели от времени. Стены, окна, двери и даже потолок заклеены черно-белыми плакатами с улыбающимися детьми. И везде виднеются отпечатки человеческих ладоней. Синие и неоднородные, с четкими папиллярными узорами или смазанные, словно их оставили второпях, следов так много, что у меня рябит в глазах. К горлу подступает тошнота.

- Спокойствие, детка, только спокойствие, - звук собственного голоса почему-то пугает до чертиков, но я продолжаю. - Ты справишься, и не из таких передряг выбирались. Давай, просто будь осторожна и не касайся дерьма вокруг. И все будет хорошо...

Уши закладывает от дикого, переходящего в ультразвук свиста. Впереди что-то хрустит, и вагон резко подается вперед, от чего я теряю равновесие и падаю на спину. Туфли летят в разные стороны и, прижимая к груди сумку одной рукой, другой я пытаюсь собрать лопнувший на юбке шов.

Следом гаснет свет.

Тусклые лампы под потолком мигают молочно-белым и исчезают в темноте, оставляя в глазах фиолетовые разводы. Я чувствую, как поезд сбавляет ход и переворачиваюсь на живот, пытаясь разглядеть в темноте потерянные лабутены, когда вагон заполняет голубое сияние.

Отпечатки ладоней на окнах, дверях, потолке и кое-где на поручнях лучатся, словно неоновая краска. Тусклый, тошнотворный свет бьет отовсюду, и в нем, как бактерии под микроско-

пом, копошится что-то живое. В отпечатке совсем рядом со мной, словно маленькие муравьи, перебегают туда-сюда крошечные голубоватые точки.

Что это за фигня?!

От их движения свет подрагивает, мерцая всеми оттенками голубого. Я подаюсь назад, и мне кажется, что от отпечатков исходит мерное жужжание, как от телевизора или ноутбука, если он долго включен в сеть. Больше сотни отпечатков широких, сильных ладоней. И мерзкое копошение внутри. И мерзкое голубое мерцание. От панической атаки спасает остановка вагона. Поезд больше никуда не мчится, и вместе с осознанием этого факта меня накрывает какая-то безграничная эйфория.

- Ну, что, детка, кажется, у нас есть все шансы на победу. Даю десять к десяти, что ты выберешься из этого дерьма и встретишь утро в своей постельке, а?

Надо быть полной дурой, чтобы шутить в такой ситуации, но и другой я никогда не была. Схватив туфли, я возвращаюсь к началу вагона и дергаю ручку. Рельсы двумя серебряными кривыми уходят в темноту. Первый вагон исчез. Отцепил балласт и свалил, сволочь!

Я вспоминаю парня со станции и методично челкаю фалангами пальцев – старая привычка, которая помогает снимать стресс. Мать, помнится, как-то пригрозила мне артритом в старости, но я с бравадой отмахнулась.

Старость? Увольте, какая старость!

Но почему-то именно сейчас дожить до морщин и седин мне хочется как никогда, поэтому я перекидываю ноги в пустоту и медленно спускаюсь. Шелковая юбка цепляется за гвоздь на лестнице, распарывая боковой шов до бедра. Как полная идиотка, я тянусь к разрезу, теряю равновесие и падаю, больно прикладываясь спиной о шпалы.

Вспоминаю самые грязные ругательства и сажусь, отряхивая с окончательно испорченной одежды пыль, а потом впервые замечаю в сцеплении между первым и вторым вагоном людей.

Я вижу их нескладные фигуры в свете единственной лампы тоннеля, подвешенной высоко под потолком. Тусклое желтое пятно охватывает больше десяти человек, мужчин и женщин в потрепанных одеждах и без обуви. Они стоят неподвижно и смотрят строго перед собой.

После секундного замешательства, я встаю на колени. Их руки и ноги покрыты рваными, похожими на мох, наростами. Они почти не светятся в темноте, но я готова голову отдать на отсечение, что так же, как и в отпечатках ладоней внутри вагона, словно паразиты, в них копошатся маленькие голубоватые комочки.

Прежде, чем я успеваю отреагировать, люди снимаются с места. Все разом, будто под гипнозом, они шаг за шагом продвигаются вперед, и щебенка тихо шуршит под босыми ногами.

Травля.

Слово возникает в голове само собой. Просто всплывает, как иногда бывает со старыми болезненными воспоминаниями. Вспыхивает на секунду и придает мне адское ускорение. Босиком, позабыв про лабутены и прижимая к груди чудом уцелевшую сумку, я бегу вдоль путей. Удираю на пределе сил босыми пятками по шпалам. Пару раз срываюсь, грязно матерясь под нос и молясь всем Богам ничего не подвернуть и не сломать по пути. Дыхалку как подменили.

В отличие от Светы, я не дымлю по пачке в день, предпочитая модный нынче девайс, но и марафоны не бегаю. Сердце стучит в ушах, кровь горячая и густая приливает к щекам, и я чувствую, как в груди разливается пожар. А еще в тоннеле темно. Я в сотый раз жалею, что не поставила смартфон на зарядку, пока была у Виталика - фонарик сейчас мне бы не помешал.

А, может, это пранк или какое-нибудь локальное ЧП? Ну, мало ли, и эти люди просто хотят мне помочь? Не переставая бежать, я оборачиваюсь через плечо. Не будь дурой, Марина! Если они хотят помочь, то почему молчат? Почему не кричат тебе вслед: «Остановитесь! Вам туда нельзя! Что вы здесь делаете?»

Нееее-ет, я кожей чувствую, что ничего хорошего от них можно не ждать и припускаю вперед с удвоенной силой. Тоннель резко поворачивает вправо, рельсы обрываются, и я чувствую под ногами мокрый песок. Он холодный, и на мгновение меня берет оторопь, но шаги преследователей быстро возвращают мозги на место, и я пробираюсь вперед, шаря руками по стене в поисках убежища. Кем бы они ни были, их физической подготовке можно только позавидовать. За все время не издали ни звука, даже дышали ровно, хотя я от бега взмокла, как последняя скотина.

Когда-то в детстве казаки-разбойники, прятки и подобные игры доставляли мне массу удовольствия. Но, участвуя в них, я всегда была на стороне ищущих, была охотником. И сейчас, играя роль жертвы, я понимаю, что, чем ближе они приближаются, тем сильнее хочется кричать. Глаза почти привыкли к темноте, и я могу различать отдельные контуры предметов, избегая препятствий, но спасительного выхода нигде нет.

Если я не найду, куда спрятаться, мне конец...

Я делаю шаг и чуть не наступаю в плотное голубое скопление мха прямо перед собой. Грязно ругаюсь, чувствуя, как корчится все внутри от брезгливости, и бегу мимо. Воздух надо мхом, пропитанным голубоватым сиянием, вибрирует, и я ощущаю исходящее от него тепло.

Такое родное, словно рядом самый близкий человек.

Черт, меня уже глючит!

Песок сменяется ровным полом, состоящим из бетонных плит, выложенных стык в стык. Здесь голубые образования встречаются чаще. Воздух заряжен теплом и кисловато-сладким запахом, и я вижу липкие голубые наросты на бетонной поверхности стен, арматуре и металлических штырях, торчащих из пола. Они не светятся так ярко, как следы в вагоне поезда, и, кажутся совсем не живыми – по крайней мере, я не вижу этого суматошного копошения внутри – но стоит приблизиться, как они преображаются, начиная пульсировать.

Они манят, играют с образами и ассоциациями, поют в голове сладкими голосами, зовут и уговаривают. Желание прикоснуться, которые вызывают эти галлюцинации, пугает до чертиков, и я дергаюсь в сторону, но ногу опять сводит судорогой.

Бежать дальше нет сил. Я оборачиваюсь. Преследователи в каких-то двадцати метрах позади, но двигаются хаотично и беспорядочно, перебираясь от одного голубого образования к другому, совсем потеряв ко мне интерес. Они ступают босыми ногами в светящийся мох, закатывают глаза, как в религиозном трансе, и он размеренно пульсирует вокруг, то поднимаясь по коже до колен, то опускаясь вниз. Я отворачиваюсь, борясь с тошнотой.

Что же, мать твою, здесь происходит и как мне отсюда выбраться?! Осматриваюсь. Здесь тоннель ощутимо расширяется, куполообразный потолок уходит вверх метров под тридцать, теряясь в темноте, а в бетонных стенах, то тут, то там, проявляются арочные углубления. Из них на меня безразлично смотрят десятки голубых глаз. Я не вижу ни лиц, ни тел – только контуры покрывающего кожу светящегося мха с рваными краями. Они не предпринимают попыток схватить меня, только наблюдают из своих укрытий.

Сатанисты, мать их...

Я, наконец, замечаю в паре метров от себя вбитые в стену ржавые поручни, уходящие к потолку. Спасение! Превозмогая боль в ноге, перекидываю длинный ремешок сумочки через плечо. Ступень за ступенью, все дальше и выше. До одури страшно остановиться и посмотреть вниз. Заставляю себя не думать о том, что кто-то из преследователей, может быть, сейчас лезет следом, чтобы голубой рукой схватить меня за ногу, но все же не выдерживаю и бросаю короткий взгляд через плечо.

Черт, ну, зачем я обернулась!?

Несколько человек, оказавшихся достаточно далеко от светящихся наростов, оглядываются, перешептываясь друг с другом. Значит, все-таки не немые, сволочи! Потная ладонь соскальзывает с металлического поручня, и я инстинктивно вскрикиваю, но меня поглощает

темнота, в которой теряется потолок, и я плачу от облегчения. Высоко, шатко, но всяко дальше от этих размалеванных уродов.

Так, мать, соберись! Ты еще не дома, нечего сопли распускать, пошла вперед! Ты еще не выбралась, еще не выбралась, не будь тупой… Рука нащупывает ступень, потом еще одну… а потом только глухую стену.

ГЛАВА 3

Нет, только не это!

Судорожно шарю ладонью по бетонной поверхности, но тщетно. Дальше нет ничего. Ни ступеней, ни двери. Ровным счетом ничего. Лестница никуда не ведет. Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не завыть в голос. Это конец. Дальше пути нет.

Обезумевшая, я крепко цепляюсь за металлическую ступень, и тут чья-то рука грубо хватает меня за запястье и тянет влево. Я кричу так, что связки не выдерживают, и голос срывается на хрип. Как безвольный мешок, соскальзываю с лестницы, больно ударяясь коленями о стену, и чувствую под грудью проем. Сильные руки затаскивают меня в темноту и грубо закрывают рот рукой.

- Я помогу тебе выбраться, если возьмешь меня с собой.

Во все глаза смотрю на голубые наросты по рукам и скулам человека. Тонкие, как змейки, линии обхватывают предплечья, скрываясь под безразмерной жилеткой работника метро. Светоотражающие полосы поблескивают в матовом свечении паразитов.

- Я спасу тебя, если ты мне поможешь, согласна?

Киваю по инерции, и он медленно убирает руку от моего лица.

Не дышать, не прикасаться к нему! Разум кричит бежать, бежать что есть сил, но куда? Отвратительные разводы на теле незнакомца подрагивают, и я сильнее вжимаюсь в стену. Снизу доносятся возня и скрип металла. Парень в светоотражающей жилетке работника метро выглядывает из проема, а потом берет меня за руку и тащит за собой во тьму.

Когда вижу над головой затянутое тучами небо, чувствую дуновение холодного ветра, убеждающего меня в том, что я все еще жива, даже не удивляюсь тому, что очутилась на другом конце города у давно заброшенного перерабатывающего завода. Я вырываю руку из хватки незнакомца и иду по дороге в сторону ближайшей остановки. Только бы повезло словить такси!

На свет мы появились из канализационного люка - вовек не отмоюсь от это вони, Боже! И теперь мой любимый костюм отправится на помойку вслед за воспоминаниями об этом дне. Сердце колет скорбь по лабутенам. Новеньким, чистеньким и ни в чем не виноватым.

Сволочи, как же я всех ненавижу!

Передергиваю плечами и оборачиваюсь. Парень идет за мной, но близко не подходит. Возьми его с собой, совсем охренел! Наркоша, наверное, приведешь такого в дом и потом найдешь себя в пустой квартире. Вынесет все, не задумываясь.

- Куда ты идешь? - спрашивает вроде буднично, а я вся подбираюсь.

На открытом пространстве его голос другой - низкий и грудной, он непроизвольно вызывает на разговор, который я бы предпочла даже не начинать.

- Не твоего ума дело!

Впереди маячат первые жилые постройки, несколько фонарей вдоль дороги и одинокая остановка – стеклянный короб с лавочкой и табачным ларьком. Прибавляю шаг и останавливаюсь под фонарем, в самом освещенном месте у дороги, а незнакомец садится на лавочку, не сводя с меня глаз.

Игорь

Молодая, не старше тридцати, шатенка среднего роста с красивым тренированным телом. Скорее всего, достаточно обеспеченная… и вся такая сложная. Что же она делала ночью в метро? Интересно… возможно, я видел ее раньше? На телевидении, например. Кто знает.

Память в последнее время подводит чаще, чем раньше, так что иногда Игорь и сам не знает, что было на самом деле, а что навеяно спорами. Вот, например, о спорах.

Он осторожно чешет голубые образования на руках. Когда он о них думает, они почему-то всегда чешутся. Почему он так их называет? Игорь не помнит. Знает только, что они появились недавно… может быть, месяц или около того.

Откуда? Тоже хороший вопрос. Вот у других они живут годами, иногда даже с рождения, но он ни разу не видел, чтобы споры позволяли женщинам беременеть. А она их боится. Не так как он когда-то, а глубоко подсознательно. Это видно по тому, как она смотрит на него, а ведь он спас ей жизнь.

Наросты чешутся сильнее, и Игорь чувствует непреодолимый голод. Чтобы сдержаться, обхватывает лавочку по обе стороны от себя и с силой сдавливает. Дерево хрустит под пальцами.

- Как тебя зовут? – выдавливает, кое-как справившись с собой.

Она не отвечает. Вообще никак не реагирует на его слова.

- Меня… - на секунду задумывается. – Игорь… кажется.

Как бы глупо это не звучало, но он действительно вспоминает свое имя с трудом. Пока оно еще не стерто спорами, наверное, стоит его записать. Он сделает это обязательно, когда найдет ручку и бумагу. А потом он запишет много чего еще.

– Как ты оказалась под землей?

Никакой реакции.

- Я ведь спас тебе жизнь.

Она оборачивается. Игорь понимает, что она смотрит на синие отметины на его теле.

– Не бойся, они не передаются от человека к человеку. Только от неживого к живому.

- …Откуда ты знаешь? – наконец произносит она.

Голос приятный, бархатный. Наверное, она недавно бросила курить. Он сам себе удивляется – откуда такая уверенность? Но все же отвечает:

- Тогда ты бы нашла их у себя на запястьях и груди. Ведь я тебя касался.

Она с явным отвращением осматривает себя с ног до головы и отходит в сторону, выходя на проезжую часть. Он совсем ее не понимает. Может быть, нужно как-то откликнуться на это движение? Прислушивается к себе, но ощущение такое далекое, что не стоит даже стараться его поймать.

- Что ты делала так поздно в метро?

- Не твое дело.

- Нет мое, раз по закрытой ветке гуляют посторонние.

Она, наконец, удостаивает его взглядом.

- ...по закрытой?

- С февраля 2006 года, закрыли из-за осадки. Совсем небезопасно для пассажиров.

Он снова удивляется сам себе. Откуда все знает? Ведь под землей совсем недавно. И поставили его пока только смотрящим. Он и смотрел, а потом… все тело сотрясает от голода.

- Но…

В этот момент асфальт подсвечивает пара фар. Волга замедляет ход, но не останавливается. Переднее стекло опускается на пару сантиметров, и грубый мужской голос интересуется:

- Подвезти, красавица?

Игорь смотрит на водителя, и споры щекочут кожу, а чужие мысли прыгают в голове, мешаясь с его собственными.

Не хило так ее приласкали... по шмоткам вроде элитная, а присмотришься - дешевая давалка, хоть и смазливая. Да еще и босая, ну дела... видно, весело ночку провела... интересно, сколько возьмет за минет...

- Куда надо, красавица?

Фигасе, райончик назвала! Интересно, как она в таком виде к клиенту завалится... А, не одна, понятно. Чего у него глаза мутные, как же достали трущобы, одни нарики кругом. Надо завязывать с ночными рейсами...

- А чем заплатить есть?

Пятитысячных пачка! За ночь, что ли наработала? Охренеть, я неделю за такие деньги ночами не сплю, а она за ночь насасывает! Нет справедливости и не было, мать ее...

- Богатая ночка выдалась, да?

Она молчит, и он кожей чувствует чужое, высушенное злобой отвращение. Споры чешутся, тревожат, внушая острую потребность вмешаться:

- Ну, так едем или нет? - бросает она.

- Садись, - таксист пожимает плечами.

Игорь распахивает заднюю дверь и плюхается на сидение. Длинные ноги упираются в спинку пассажирского кресла впереди, и она, словно очнувшись, пищит от возмущения.

- А, ну-ка, выметайся из машины! Ты никуда со мной не поедешь!

С минуту Игорь не двигается, а потом медленно надвигается из темноты салона. Голубые следы вируса набухли и пульсируют, и вид этот, он знает, завораживает ее. Положив ладонь на подголовник переднего сиденья, спокойно говорит:

- Я помог тебе выбраться. С расчетом на то, что ты возьмешь меня с собой, Марина.

Ее имя вырывается непроизвольно, как что-то давно забытое, хотя Игорь уверен, что они раньше не встречались, но оно действует на нее гипнотически. Придерживая полы разорванной юбки, Марина садится в машину, и они, наконец, трогаются с места.

- Сдачу можете оставить себе.

Я отдаю водителю деньги и выхожу из машины. Ушлепок озадаченно передергивает плечами и выходит следом. Какого черта он задумал? Внутри так гадко, будто я с лютого похмелья. Жду, пока таксист уедет, и окидываю его испепеляющим взглядом.

- Что тебе нужно от меня?

- Помощь.

Я смеюсь в голос. Он правда дурак или прикидывается?

- А больше что, некому помочь?

Это хороший вопрос, очень правильный. Но что ей на него ответить? И есть ли хоть какая-нибудь надежда, что Марина сможет понять? И, если уж быть совсем откровенным, что, из того, что я помню, можно ей доверить?

Слишком сложно. И нестерпимо хочется есть…

- Больше мне некуда идти.

- И что?

Воистину, простота хуже воровства! Как же меня бесит этот урод! Грудь напоминает о себе ноющей болью, и я спускаю на Игоря все свое раздражение:

- Я тебе не карета скорой помощи и не волонтер, чтобы убогих спасать, понятно?

- У меня никого нет. Или есть, но… я не помню их. Мне только…

- Да мне плевать! Свали с дороги!

Я лезу в сумку за ключами от квартиры, и замечаю, что разводы на руках Игоря переливаются голубым, как поверхность воды в полнолуние. Моргает раз другой, но видение не исчезает.

- Нужно укрыться на время… на эту ночь. Больше ничего. Ты ведь умеешь... быть благодарной?

- С какой стати!? - хочу ответить я, но вместо этого улыбаюсь как дура и неопределенно машу рукой.

Перед глазами танцуют голубые вспышки, почти заглушая восприятие окружающего мира, но мне так чертовски хорошо!

- Я не причиню тебе вреда… - говорит Игорь, но я не слышу его.

Открываю дверь подъезда и тут же забываю о его существовании, завороженно наблюдая за витиеватым полетом голубых лент, перед глазами. Как же они прекрасны - совершенство формы и цвета. Боже, кажется, я могу расплакаться от этой красоты! Это судьба… я захожу в лифт и нажимаю кнопку вызова. Теперь я точно знаю, что мы встретились не просто так.

Игорь

Квартира Марины занимает два уровня под самой крышей на одиннадцатом и двенадцатом этажах. Скандинавский минимализм, натуральные тона в отделке и интерьере – дорогие апартаменты, подаренные ей родителями.

Игорь улавливает это, едва переступив порог.

Через просторный холл с минимумом мебели Марина проходит в гостиную и, бросив на диван миниатюрную сумочку, включает свет. Потом, через раздвижные двери попадает в столовую, совмещенную с кухней, и зажигает по пути новые дорогие светильники.

Медленно возвращается в холл, включает свет в комнате для гостей, и, бросив пустой взгляд на Игоря, по винтовой лестнице поднимается на второй уровень, чтобы так же поступить со спальней, кабинетом, ванной и гардеробной. За пару минут в ее квартире не остается ни одной не освещенной комнаты. Когда Марина спускается вниз, Игорь все еще мнется у входа, словно не зная, куда себя деть.

В том, что она впустила его, в том, что так спокойно смотрит и разговаривает с ним, виноваты споры. Даже не так – они тому причина. Игорь это знает и впервые в жизни испытывает к ним что-то сродни благодарности.

Поманив его за собой, Марина проходит в гостиную, берет в руки домашний телефон, сумочку и, осмотрев комнату на наличие посторонних предметов, оборачивается:

- Не думай, что я тебе рада, - она прикрывает глаза, словно собираясь с мыслями. Споры на его руках приятно щекочут. – Сейчас я уйду, а когда вернусь… ты расскажешь мне, что же все-таки там произошло.

- Спасибо.

Он садится на диван и кладет руки на колени, как первоклассник. Тут же пропадает навалившаяся на Марину блаженство, и на смену ему приходит усталость. Голубые разводы на руках Игоря теперь похожи на профессиональный боди арт, который вызывает лишь приступы тошноты.

Поджав губы, Марина поднимается наверх, и дойдя до последней ступени, прислушивается – ни звука. Крепче сжав в руках трубку, она забирает из спальни вещи и запирается в ванной.

ГЛАВА 4

Мебель в гостиной Марина выбирала сама. Игорь в этом уверен. Хотя ей и пришлось лавировать в границах подобранного матерью для каждой комнаты интерьера. Чувствуя, что минимализм ее выбора ему очень нравится, Игорь решает, что она хорошо справилась с поставленной задачей.

Поднявшись с дивана, он идет к противоположной стене, на которой висит плоский экран. Он ему тоже нравится. Светлое дерево, металл и стекло для книжных стеллажей и полок, смотрится очень мило. Сделав несколько шагов назад, Игорь чувствует под ногами густой ворс ковра.

Так же приятно стоять, соприкасаясь кожей со спорами.

Он вздрагивает и сходит на паркет.

Спор здесь нет. И не будет.

Голубые разводы нестерпимо зудят. Бросив последний осторожный взгляд на ковер, он выключает в гостиной свет и проходит в столовую, отделенную от кухни высокой барной стойкой. Просторно, чисто и функционально.

Машинально Игорь касается выключателя и тушит свет. Ему больше нравится темнота, ведь он проводит в ней так много времени... И ее слова про других родных ему людей, которые могли бы помочь, больно отдаются в душе.

А существовали ли они? Да, скорее всего, когда-то…

Глаза Игоря безошибочно различают контуры окружающих предметов, им не нужно время, чтобы привыкнуть к резкой перемене. Да, определенно так лучше.

Он касается руками мраморной столешницы, раковины и круглого деревянного стола. Марина часто занимается на нем любовью. Ей нравится этот стол. Игорь обхватывает его обеими ладонями и закрывает глаза. Он почти физически ощущает ее тепло. И это щекотно.

Игорь открывает холодильник и издает удивленный вздох. Кукуруза, горошек, капуста, йогурты, апельсиновый сок и большая курица-гриль – эмоции буквально захлестывают его. Не зная, до чего дотронуться первым, он берет в руки йогурт.

Мнет в руках, снимает фольгированную крышку и вдыхает запах, при этом запачкав кончик носа. Пробует на вкус, и тут же кривится. Затем берет кукурузу, сок – он пробует все, что видит. И еда на вкус отвратительна. Даже мясо курицы. Но он не перестает ощущать восторг от одного ее вида. Неконтролируемый детский восторг. Это странно. И это беспокоит его. Решив потом расспросить Марину, Игорь закрывает холодильник и идет дальше.

Не найдя в холле ничего интересного, он тушит свет и, пройдя коридор, ванную и гардеробную, оказывается в комнате для гостей. Здесь стоит большая двуспальная кровать, телевизор и пара кресел. Кровать холодная. Не в прямом смысле, а в том, что на ней никто давно не спал.

Разве у нее нет друзей? Если да, то зачем же она спрашивала о его собственных? Решив уточнить и это, Игорь отодвигает прозрачную тюль и выглядывает в окно. Высоко.

Это ему тоже нравится.

Споры снова чешутся и терпеть зуд непросто, но он старается не обращать на них внимание. В холле второго этажа висит большое зеркало во всю стену. Он останавливается, словно впервые в жизни видит свое отражение. Чтобы лучше рассмотреть, выключает свет и снимает рабочую жилетку.

Да, определенно, он. Высокий и худой. Не жилистый, не накаченный, а именно худой. Потому что голодный. И в этом виноваты споры. Игорь рассматривает витиеватые узоры на своих руках. Голубое свечение за последние несколько минут усилилось, и тому было много причин, но пока он держит себя, а значит и их, в руках, все будет в порядке.

Ее спальня оказывается гламурной. Игорь удивляется последнему слову. Гламурная… интересно было бы вспомнить, что оно значит? Рассматривая коллекцию керамических фигурок на прикроватной тумбочке, он одновременно прислушивается к шуму воды за спиной.

Марина плачет. Дверь, конечно же, заперта. Он знает это.

И вообще, как ни странно, он знает не только это, а еще и другое, и очень-очень многое. Иногда, это просто всплывает в его голове, иногда он что-то вспоминает, но, по большей части, ему подсказывают споры. Нет, он не слышит посторонних голосов в голове и не видит галлюцинаций. С ним только он сам, то есть его внутренний голос. Вот он-то и констатирует факты.

Но, что интереснее всего, к такому способны не все носители. Игорь не знает почему, но внутренний голос не советует особо любопытствовать. И он слушается. Впрочем, как и всегда.

Ее кровать горячая. Очень. Он садится в изножье, и вдруг чувствует себя безмерно одиноким. Эмоция такая сильная, что Игорь даже не понимает сначала, что она не его вовсе. Погладив руками шелковое покрывало, он улавливает целую гамму мыслей, но они ему не нравятся. Ни одна. Все они чужие и фальшивые.

Поднимаясь, он еще раз осматривает комнату. Да, впечатление не меняется. Ему здесь не нравится. Выключив свет, Игорь проходит в кабинет и здесь чувствует себя гораздо лучше. Песочного цвета стены, темный паркет и большой письменный стол. И книги, книги, книги. Это здорово. Тут воздух бодрый, энергичный… как он сам когда-то…

Игорь проходит мимо высоких стеллажей к окну, за которым находится большая застекленная лоджия со старым креслом-качалкой и цветами в горшках. Марина привезла это кресло из Италии. Там она впервые в жизни влюбилась. В купе всплывшей так некстати информации, кресло ему все-таки нравится, и он почти смеется, переполняемый чужими эмоциями. Усилие совсем маленькое, но он чувствует, как протестуют споры.

Чесотку все сложнее сдерживать. Игорь возвращается в кабинет и садится в кресло. Кладет руки перед ноутбуком, и вздыхает. С этого ракурса комната кажется очень маленькой. Даже меньше, чем ее гардеробная, в которую после спальни ему совсем не хочется заходить. И, если бы Игорь был на месте Марины, то непременно разместил кабинет на первом этаже в комнате для гостей, раз та пустовала.

Она же… о, женщины! устроила кабинет здесь, потому что так дальше бегать до холодильника. И снова это странное желание рассмеяться, но Игорь успевает подавить его до того, как споры начинают шевелиться, и тушит свет, погружая квартиру Марины в непроглядную тьму.

ГЛАВА 5

112. Подношу палец к кнопке вызова и замираю.

Что сказать? Как объяснить случившееся?

Алло, это полиция? Знаете, мне в голову пришла гениальная мысль, и я решила переспать с Виталей. Правда, в процессе выяснилось, что он без пяти минут чужой муж, но я-то здесь причем? Счастливая невеста нас застукала, и пришлось спасаться бегством. А в метро меня атаковала группа сатанистов с синими татуировками. Кстати, один из них сидит у меня в гостиной, и я боюсь его до чертиков! Что? Сама пустила, конечно, ну, он же типа меня спас и все такое...

Дура! А как тогда? Давай сначала, девочка, и все по-порядку!

Ночь. Я возвращаюсь домой на метро, на меня нападает группа людей... Но он же сказал, что эта ветка давно закрыта… соврал? Прижимаюсь лбом к светящемуся дисплею телефона.

И как им это объяснить? Один из них решил меня спасти в обмен на ПМЖ? Мысль спотыкается на слове спасти. Да, он меня спас. Потребует ли что-нибудь взамен? Должна ли я ему как-то за это заплатить? Может, ему нужны деньги?

Игорь... имя нормальное и если бы не эта голубая хрень на коже, выглядел, как обычный парень, мой ровесник. Не верится, что пустила его в дом... ха, хотя, чего греха таить, и не таких экспонатов пускала.

Может быть, он поживится чем-нибудь и свалит сам? Надежда слабая, но даже это лучше, чем ничего, поэтому я сбрасываю номер полиции и нахожу в памяти телефона другой. Долго слушаю гудки, а потом в трубке что-то щелкает, и включается автоответчик.

Сестры нет дома. Конечно, она же улетела в Японию. Подумав с минуту, снова набираю ее номер.

- Насть, это я. Знаю, тебя нет, но… короче, я попала в переплет... и это не Виталя, хотя, если разобраться, без него тоже не обошлось, в общем... - вздыхаю, собирая мысли в кучу. - Я встряла и не представляю, что делать дальше, нужен твой трезвый взгляд, окей? Перезвони, как сможешь. Только не забудь!

Ну, вот, уже полдела. Подстраховалась на случай лютого замеса, а теперь надо привести себя в порядок. Без сожаления срываю грязную одежду и подхожу к зеркалу. На груди здоровенный синяк, на животе и руках пара десятков порезов, новые синяки на бедрах, а о стопах и говорить нечего - пятки черные, как у негра. Боже, да мне в ванной часа три отмокать!

Но настроения на долгие расслабляющие процедуры нет, поэтому после горячего душа, скрывающего ото всех мои слезы, я кое-как обрабатываю раны и укус на груди, одеваюсь и открываю дверь. Сначала не понимаю, почему в спальне темно, сама же везде свет включала.

Потом доходит, и от злости аж зубы сводит.

- Игорь! – кричу и сама поражаюсь тому, насколько властно и уверенно звучит мой голос.

- Да?

Он стоит в дверном проеме спальни. Голубые наросты по телу горят так ярко, что в их свете я вижу его фигуру целиком, словно охваченную потусторонним сиянием, обнаженную по пояс, со скрещенными на груди руками и в старых потертых джинсах, которые держатся на худом теле на одном честном слове.

Картина, конечно, не для слабонервных, но и я не девочка-цветочек.

- Ты зачем свет выключил!?

- Люблю, когда темно.

Я офигеваю от такой наглости.

- Включи. Немедленно!

Не сразу, но свет в спальне Игорь все-таки включает. Так-то лучше.

– Никогда. Ничего. Не. Трогай. В. Моей. Квартире. Ясно? Я хочу, чтобы везде горел свет, это понятно?

Он смотрит на меня исподлобья, почесывая голубые наросты на руках, но спорить не пытается. Что же это за мерзость такая?

- Ладно.

Игорь, наконец, перестает чесаться, и в течение нескольких минут я слушаю, как щелкают выключатели в моей квартире. И все же голову не покидает мысль, что такого фарса в моей богатой на события жизни еще не было. Но делать нечего, придется разбираться с парнишкой самой. Захватив с собой зарядку для телефона, я спускаюсь вниз следом за Игорем.

Он сидит на диване в той же позе мальчика-отличника. Молча достаю с полки флакон с валерьянкой. Подумав немного, добавляю к нему таблетку аспирина. Потом беру в руки бокал, бутылку вина и сажусь в кресло напротив.

- Тебе будет плохо, - комментирует он.

- Мне будет плохо в любом случае. А сейчас я хочу, чтобы мне стало хорошо.

- Я могу помочь… если хочешь.

Я хитро улыбаюсь. Оставь при себе свою лечилку, парень.

- Лучше не надо.

Судя по растерянному выражению его лица, Игорь сарказм не вывозит. Ладно, едем дальше.

- И что теперь?

Справившись с пробкой, наливаю немного вина и, отставив бутылку в сторону, смотрю на незваного гостя.

- Я не знаю… пока не знаю.

- Боишься, что твои друзья доберутся до тебя и расправятся так же быстро, как хотели сделать это со мной?

- Да.

Неожиданный ответ. Значит, опасность еще не миновала... и что же ты, красавчик сидишь на моем диване? Пасешь для своих*?*

- Рассказывай, кто они? Кто… ты?

- Люди.

- Они не люди.

Игорь в ответ качает головой.

- Нет, они такие же люди как ты и я. В большинстве своем работники метро, - он думает немного. – И кое-кто с поверхности. Они появились здесь благодаря спорам.

При упоминании о голубых разводах, меня передергивает, хотя определение как нельзя точное.

- Что за споры? Что это? Болезнь? Химическое оружие? Откуда появилось?

- Я не помню, - быстро отвечает Игорь и уже менее уверенно добавляет. – И это не химическое оружие… они живые.

- Это я заметила... Как они оказались на тебе, на твоей коже… это дерьмо заразно?

- Я не помню.

- А ты вообще хоть что-нибудь помнишь?

- Очень мало, они перекрывают мои воспоминания. Я думаю, им так безопаснее.

Все это очень плохо пахнет. Не просто пахнет, а, блин, воняет тухлятиной! Надо избавиться от него и как можно скорее. Черт, и поменять замки... может быть, даже нанять телохранителя. Я задумчиво осушаю бокал и тут же наполняю его снова.

- Тебе не стоит их бояться, - замечает Игорь. - За тот месяц, что они со мной, мне ни разу не было плохо. Да, кое-что изменилось, но в целом…

- Так значит, ты заразился месяц назад? Как это произошло? Они поймали тебя и заразили? Ты знаешь их по именам?

- Нет, - твердо отвечает Игорь, снова начиная чесаться, так что приходится отвести глаза, так мерзко это выглядит. – А, если бы и знал, то все забыл.

- Удобно, блин.

Я допиваю второй бокал, но голова не проясняется. Даже наоборот, накопленная за день усталость и нервное перенапряжение сковывают мой мозг, и тот напрочь отказывается думать. Отчаянно хочется закрыть глаза и провалиться в глубокий сон. Я зеваю.

- Что ты хочешь от меня, денег? Я дам их тебе. Только назови сумму.

Игорь отрицательно качает головой.

– Что тогда?

- Мне нужна помощь.

- Конкретнее!

Он думает недолго.

- Я хочу вспомнить, кем я был до спор.

Я в упор смотрю на него.

- Удачи!

- От них невозможно убежать. От них невозможно спрятаться. Меня найдут и почти наверняка убьют. Или оставят в опале со спорами, пока они окончательно не проглотят мой разум. И тебя найдут, обязательно. Это лишь вопрос времени.

- Не надо меня пугать!

- Я говорю тебе, как будет. Сегодня, завтра или через неделю. Может даже через год, но они найдут тебя. Они тебя видели. Споры считали твою ДНК.

- Иди к черту!

Я вскакиваю на ноги, расплескивая красное вино. Хватаю бутылку и ставлю на барную стойку, до хруста сжимая горлышко пальцами.

- Выметайся. Пошел на хер со своими угрозами! Вон! Можешь бежать к ним хоть сейчас, трепло! Я охрану найму, чтобы никто из твоих ублюдков ко мне и близко не подобрался, понял!? Бабушек в переходе рожей своей пугать будешь и братками!

- Марина, когда носители спор придут за тобой, никакая армия не защитит. Поверь мне, я не вру. Я... все ждал подходящего момента… и человека. Их было много до тебя.

ГЛАВА 6

Я сглатываю. Не верю, черт, что за дичь! Я в это не верю! Адски хочется курить, но, как назло, дома сигарет нет, не держу из принципа, а электронная курилка… вспоминаю, что отнесла сумку со всеми вещами наверх.

- Всего около сотни... ну, то есть… - Игорь мнется, не решаясь продолжать. – Эта станция… через нее многие прошли. Но всех поймали. И ассимилировали. Или… - тут он нервно замолкает, нервно расчесывая разводы на руках. – В общем, ты единственная, кому удалось добежать до того места, где я прятался. Ты сильная... и я подумал, что...

Вино теряет свою притягательность, и я опять нервно щелкаю пальцами. Не сдвинусь с места, пока он не свалит из моей квартиры. Какого черта я оставила домашний телефон наверху!

- Ты хочешь сказать, что эта станция… и поезд… все это было спланировано заранее?

- Да.

- И… как давно они это делают?

- Как станцию закрыли.

- Мы должны сообщить об этом.

Он качает головой.

- Их не найдут.

- Но…

- Их не найдут. Тебе не дано понять силу коллективного разума спор.

- Да что ты говоришь! У меня Гарвард за спиной, это тебе не дано!

В ответ Игорь только вздыхает.

- Это неважно. Сегодня я с трудом вспомнил свое имя, а меня ассимилировали всего месяц назад. А завтра… я не хочу забывать. Я хочу помнить. И думать один. И делать все один. И я знаю, что ты... поможешь. Я это понял сразу. И... это все, что мне нужно.

Да кто он вообще такой? И с чего взял, что я могу, а главное, хочу помогать?! Почему я должна вообще что-то делать против этих… уродов? Ради него? Ради кого бы то ни было! Нет… нет, однозначно нет!

- Не стоит думать над тем, как бы достойнее мне отказать, - спокойный голос Игоря прерывает поток моих мыслей. - Если не хочешь, просто скажи. В конце концов, это не так уж и сложно.

- Я не… с чего ты взял?

- Это видно по твоему лицу, и по тому, как ты хрустишь пальцами. Ведь ты делаешь так только когда волнуешься, а значит я прав, - я замираю.

- Откуда ты знаешь?..

- Я много чего о тебе знаю, - потупив глаза отвечает он, а я вспыхиваю от злости, как петарда.

- Много говоришь… И кто же, позволь спросить, снабдил тебя этой информацией!? Тебя подослал Валера, да?

Вот же мерзкий гаденыш, так и не смог смириться с отказом! Сразу вспоминаю его угрозы и словесный понос в мой адрес. Некоторые не умеют достойно проигрывать, но и я не пальцем деланная!

- Ты должна понять, - настаивает Игорь. - Это споры…

- Споры!? - я замахиваюсь на него полупустой бутылкой. - Заруби себе на носу и психопату-заказчику своему передай, чтобы шел..!

- Марина, остынь!

Игорь поднимается и хватает меня повыше локтей. Встряхивает, а я рвусь вперед с диким желанием расцарапать ненавистное лицо, но замираю. Потому что от него пахнет землей и сыростью. И еще… свежескошенной травой. Запах настолько сильный, и я так его люблю, что кружится голова. Он пахнет свежескошенной травой!

Хотя нет… так пахнут... споры на его руках.

Я пинаю Игоря в пах. Сгруппироваться парниша не успевает, поэтому со стоном складывается пополам и отпускает меня.

- Теперь молись всем богам, урод!

Я отступаю назад. Вторая трубка должна быть на зарядке у барной стойки. Тянусь за ней, не выпуская из поля зрения Игоря, когда он конвульсивно дергается, а потом начинает неистово чесаться. Этот придурок на самом деле сумасшедший, так можно и кожу с себя живьем содрать!

- Ты что делаешь?

- Марина…

- Какого хера ты творишь!?

- Я…

Игорь зажимает ладони подмышками и, тяжело дыша, съезжает спиной по стене. Мышцы на его руках белеют от напряжения, и мне становится страшно.

– Я просто… очень… голодный…

- И я еще должна тебя кормить!? Да что вообще здесь происходит!?

Он замирает без движения, и я отступаю на кухню. В остекленевших глазах Игоря больше нет сознания, словно его отключили одним движением руки, как обычный свет в комнате.

– Ну, хорошо, ладно… - сдаюсь я. Страх сковывает горло - что время разговоров прошло. - Если я тебя покормлю, ты свалишь, наконец!?

- Ты меня не поняла…

Игорь встает на колени и поднимает на меня затянутые голубой пеленой глаза.

- Марина, прости, но я... больше не могу терпеть.

Он ползет вперед с пустым и голодным взглядом, подволакивая ноги, словно раненое животное. Это выглядит так страшно, жутко до тошноты, что я хватаю со стола плетеную тарелку с фруктами и швыряю в него. Яблоки и виноград разлетаются по полу, оставляя сладкий след на плитке. Тарелка с хрустом мнется, ударяясь Игорю в плечо, но он и ухом не ведет.

Если, конечно, это все еще он, а не эти вонючие споры!

Господи, только не говори, что ты думаешь об этом серьезно! Я отступаю к холодильнику, упираюсь спиной в холодный металл. Бежать некуда и бросить в него тоже больше нечем.

- Какого черта тебе нужно от меня!?

В отчаянии распахиваю холодильник и замираю. Внутри пусто, хотя я была уверена, что найду внутри еду. Да, немного, но для меня одной достаточно, чтобы запустить этому уроду в голову!

Игорь встает и бросается на меня. Так резво, что я визжу от страха и уворачиваюсь. Ногти цепляются за уплотнительную резинку, и я открываю дверь морозильной камеры, разбивая Игорю нос. Кровь брызжет во все стороны, и он останавливается, закатывая глаза.

А я, вместо того, чтобы бежать и прятаться, с какой-то неконтролируемой яростью хватаю замороженную ногу ягненка и, сжав посильнее, бью. Но Игорь перехватывает ее окровавленной ладонью и вырывает из моих рук с такой силой, что я теряю равновесие и падаю перед ним на колени.

Все, мне конец… мне конец!

Отползаю к стене, но Игорь теряет ко мне всякий интерес. Мясо ягненка в его руках исходит паром, словно ладони Игоря - это раскаленная до бела печь. Голубые линии спор оживают и искрятся, и я вижу характерное мельтешение маленьких организмов. Он перехватывает

ногу и без каких-либо усилий разламывает пополам. Трещат кости, и я чувствую, как на лицо брызжет холодная кровь. Игорь оскаливается, и, словно животное, вознается зубами в сырую плоть.

Я боюсь двигаться, боюсь дышать и только смотрю, с трудом сдерживая тошноту, как Игорь, кем бы он ни был, пожирает пятикилограммовый отрез мяса. Отгрызает ртом, полным крови, куски и, почти не жуя, проглатывает. Один за другим, словно это последняя трапеза в его жизни.

Кровь стекает по его предплечьям на пол, и я смотрю на нее до тех пор, пока пол и потолок не меняются местами, забирая меня в спасительную пустоту.

Игорь

Чтобы насытиться, спорам требуется полчаса. К тому времени Марина уже без сознания - нервное напряжение и полбутылки красного сухого делают свое дело.

Голод отступает, и теперь Игорь чувствует себя… хорошо. Можно сказать, даже лучше обычного. Споры больше не чешутся и совсем не светятся. Они тоже довольны. Конечно, полученной крови недостаточно, и его немного мучит жажда, но теперь, по крайней мере, Игорь в состоянии с ней справиться.

Вытерев рот тыльной стороной ладони, он поднимает Марину на руки и перекладывает на диван. Находит тряпку и методично вычищает кухню и столовую, убирает разбросанные по полу фрукты. Затем принимает душ, стирает одежду и, наконец, переодевшись в чистое, садится в кресло напротив спящей Марины.

Благодаря спорам, в ее квартире для него больше нет ни одного тайного уголка. Он знает содержимое каждого шкафчика, ящика, тумбочки... Ему даже не нужно их открывать, чтобы сказать, где что лежит. Он просто это знает.

Часы на стене показывают 5 утра. Он закрывает глаза.

- А ведь я почти ее съел…

Эта мысль кажется Игорю очень забавной. Споры протестуют, но уголки его рта все равно приподнимаются в беззвучной улыбке.

ГЛАВА 7

Я открываю глаза. Светло и тихо. Редкие пылинки плавают в воздухе над головой там, где солнечные лучи проникают в квартиру через окно. Интересно, почему у меня такое чувство, будто я всю ночь делала «берпи»? Каждая клеточка тела кричит, стонет и плачет – отчасти потому, что я опять уснула на животе, сложив обе руки под грудью, а отчасти потому, что видела самый жуткий сон в своей жизни.

Медленно распрямляю онемевшие руки и переворачиваюсь на спину. Я что, спала на диване? Обхватываю голову руками и зажмуриваюсь. Почему я дома одна, а где Виталик? Поясница, плечи и бедра ощущаются словно чужие. Кладу руки на грудь и вскрикиваю - как больно! Оттягиваю майку и с ужасом пялюсь на багровый синяк слева и следы от укуса справа.

Что за...

Я встаю, подхожу к зеркалу и еще раз смотрю на грудь, по пути отмечая синяки и царапины по всему, не спрятанному под одеждой телу. Память шевелится, но я в страхе шикаю на нее и возвращаюсь на кухню. Открываю холодильник и пару минут пялюсь на пустые полки. Ни намека на еду или ее остатки - утреннюю сонливость, как рукой снимает – где моя еда? Оглядываю кухню и столовую, испытывая странное ощущение дежа вю.

Что-то не так. Что-то связанное с моим сном...

Избегая прямого ответа, я закрываю холодильник и поднимаюсь наверх. Дверь в кабинет открыта. За прозрачной тюлью на застекленной лоджии стоит мое любимое кресло.

И в нем кто-то сидит.

Игорь.

Имя всплывает само по себе. Непрошенное и отчаянно желаемое быть забытым, оно тянет за собой вереницу неприятных воспоминаний. Того набора информации, который ужасает и смущает, и, черт побери, который я отчаянно хочу не вспоминать никогда!

Игорь оборачивается и с улыбкой на губах произносит:

- Доброе утро.

А потом поднимается, загораживая широкими плечами балкон. Пышущий здоровьем молодой мужчина, крепкий и высокий, с узловатыми мышцами и худым торсом. И столько покорности и сочувствия в его взгляде, что я моментально вспыхиваю.

- Прости за вчерашнее. Голод спор невозможно контролировать.

Я молчу. Не верится, что все произошедшее вчера – правда. Все, что я видела – правда. И это злит даже больше, чем голубые разводы на его руках, которые еще глубже въелись под кожу, став похожими на шрамы.

- Я взял кое-что, пока ты спала, - он кивает на бумагу и ручку. – Если ты помнишь…

- Убирайся… Немедленно убирайся! - несмотря на ужас, который охватывает меня с ног до головы от одного его вида, голос не подводит.

Игорь в миг становится серьезным.

- Мне некуда пойти.

- А мне на это наплевать! Пошел вон, хренов урод!!! – кричу не своим голосом и размахиваю руками.

- Марина…

Я не в себе, но не только сейчас - всегда. И он это видит, он знает, что я притворяюсь, что давно играю роль, которую сама же себе навязала, и за это… я ненавижу его!

- Ты же пытался… - обхватываю голову руками. - Ты хотел меня сожрать, как какой-то долбанный зомби! Как ты вообще посмел остаться в моей квартире после этого?! Да я не хочу и не буду тебе помогать! Ты… ты - чудовище! Ты - урод!

- Но ведь я же тебя не съел, - спокойно замечает Игорь, чем еще больше бесит.

И снова это чувство, будто он видит меня насквозь. Знает то, что другим знать не положено. Знает и… принимает это во мне, когда другие отворачиваются… невыносимо!

- А мне плевать, пошел вон!!!

- Плоть и кровь нужны спорам для того, чтобы жить… - зажимаю уши руками, чтобы не слышать. – Но я могу это контролировать, все прошло и сейчас ты можешь…

- Не приближайся! Не смей даже близко ко мне подходить! Ты болен. Ты – псих! Убирайся, пока я не вызвала полицию!

Он тянется ко мне, но вовремя останавливается. Складывает на столе исписанные листы и, подхватив светоотражающую жилетку, выходит из комнаты. Только у лестницы оборачивается.

- Я могу объяснить.

- Свали уже из моей квартиры!

Сердце стучит в висках, провоцируя новый приступ мигрени. Все зашло слишком далеко, хватит. Игорь молча идет вниз, а я жду, когда хлопнет входная дверь. Размытый слезами взгляд падает на оставленные листы с голубыми вкрапления по краям. Теперь я не смогу сидеть за этим столом. Вообще не смогу находиться в этой комнате. Ни в одной из своих комнат. Я представляю, как он перебирает мои вещи, берет их в руки, оставляя невидимые споры, и вся дрожу от отвращения.

Чувство брезгливости настолько сильное, что я срываю с себя одежду еще до того, как забегаю в ванную и открываю воду. Встав под горячие струи, принимаюсь с остервенением тереть кожу мочалкой. Спустя полчаса, красная и измученная, я возвращаюсь в спальню и, не глядя, надеваю шелковый халат. Потом завариваю себе крепкий чай с мятой и, забравшись на высокий стул, замираю, обхватив ладонями горячую чашку.

Мир перестает вертеться. Все голоса смолкают. Реальность становится плоской и невыразительной. Я чувствую себя так глупо, как никогда в жизни. Хочется и смеяться, и плакать одновременно. Но так нельзя. Так же как и чихать с открытыми глазами. И дышать и глотать в одно и то же время.

Это невозможно. Вот именно. Невозможно. Это верное, это хорошее, правильное слово. Невозможно. Все, что здесь произошло – невозможно. Все, что произошло вчера в метро – тоже. А, если это невозможно, значит, этого и не было. Ничего не было. Значит, я все придумала. Мутантов с синей кожей, и этого сумасшедшего парня, который… что за абсурд, каннибалы в метро! Так же глупо, как крокодилы в канализации.

И все же, и все же…

Это слишком сложно. Пытаться осознать то, что произошло, найти логичное объяснение и не сойти с ума, а я чувствую, что именно это и происходит. Я медленно схожу с ума. Так не может дальше продолжаться.

За спиной звонит телефон.

- Да? – отвечаю, отцепив провод зарядки.

- Марина Владиславовна, доброе утро. Глеб Константинович просит напомнить, что собрание акционеров сегодня в полдень…

- Сегодня?

Убираю телефон от лица, чтобы она не услышала, как грязно я умею ругаться.

- И выражает желание увидеть вас вовремя, – механический голос секретарши неприятно царапает слух и отключается.

- Непременно, - отвечаю в пустоту и откладываю смартфон.

Собрание, черт! Ну, почему все и всегда случается так не вовремя!

Я, конечно, опаздываю, но всего на полчаса и ни на йоту не изменив себе. К строгому брючному костюму больше бы подошел высокий хвост, но я выпрямляю волосы стайлером и

оставляю распущенными, чтобы скрыть ссадины на шее. Царапины на лице маскирую тональным кремом, а глаза подвожу черным карандашом, смещая центр внимания. В классических лодочках лежат массажные стельки, и я не чувствую себя русалочкой, променявший рыбий хвост на ноги.

Ну, почти.

Расправив плечи и нацепив на лицо маску адской суки, распахиваю дверь в конференц-зал и занимаю свое место. Виталий, который выступает с докладом, даже не смотрит в мою сторону, зато Глеб Константинович вполне ожидаемо хмурится и поджимает тонкие губы. Но я и бровью не веду. Сорок девять процентов акций компании, заботливо оставленных мне мамой и папой, позволяют спокойно реагировать на любые выпады дорогого дядюшки.

А Виталя все не унимается. Говорит плавно и мягко, но достаточно уверенно для человека с парой сломанных ребер. По крайней мере, я очень рассчитываю на то, что она ему их сломала. Или наставила синяков. Пара трещин и смещение позвонков совсем невысокая плата за его скотское поведение..

Интересно, свадьба состоится или нет?

Я рассматриваю несостоявшегося любовника и почему-то не чувствую... ничего. Его дорогой костюм, бордовый галстук и перстень на мизинце – все, что раньше так меня возбуждало, теперь вызывает плохо скрываемое раздражение.

Виталя раскрывает телескопическую указку, и свет в зале гаснет, зато оживает проектор над головой. Отчет летит мимо ушей, чистая прибыль за первый квартал, прогнозы рынка на ближайшие месяцы, выплаты акционерам. Я должна отвлечься от своих мыслей и вникнуть в суть происходящего, как делаю всегда, когда дело касалось моих денег, но сегодня настроение - лечь и умереть.

Тело саднит. Пару раз я замечаю, как Виталик утирает пот со лба, а рубашка по бокам топорщится - наверняка надел корсет для поддержки спины, и испытываю садистское удовольствие от вида его страданий. Знал бы он, как этой ночью страдала я, но это пустое. Рассказывать бывшему о своих приключениях желания нет. Да что там, никому о событиях прошлой ночи я бы не стала рассказывать даже под страхом смерти. Как говорится, сошла с ума, но не настолько.

Через два часа собрание заканчивается и я встаю, культивируя внутри единственное желание - переместиться в спа и забыться.

- Марина, задержись на минутку, - дядя кивает секретарю, и девушка испаряется, чтобы через пять минут вернуться с двумя крошечными чашечками эспрессо.

Я вздыхаю и сажусь напротив.

ГЛАВА 8

Начинать разговор Глеб Константинович не спешит, и по затянувшемуся молчанию я понимаю, что тема будет неприятной. Пожевав нижнюю губу для стойкости духа, готовлюсь к очередному ласковому убийству. Манерно отложив чайную ложку на край блюдца, мой несравненный дядя начинает издалека:

- Как сестра?

- Хорошо, - прикусываю язык, чтобы не съязвить.

Тянуть его за усы в начале разговора, мягко говоря, глупо, но я не могу удержаться.

- Прекрасно, Настя молодец, как и всегда…

Он смотрит на меня из под густых бровей, как сова на мышь, изучает невербальные реакции, но сегодня я - реинкарнация Мона Лизы.

- Жемчужина нашей большой и дружной семьи! - улыбаюсь загадочно и делаю глоток.

Черт, без сахара, какая гадость!

- Получил приглашение, очень и очень за нее рад.

Сестра в одной из командировок познакомилась с японцем и после двух лет отношений на расстоянии, наконец, получила заветное приглашение отправиться под венец. Если дядя считает это блестящим завершением отрочества и юности, то разговор можно сворачивать уже сейчас.

- Счастье для Насти, деньги для семьи.

Чего греха таить, брак династический, и сомневаюсь я, что командировки сестры в страну восходящего солнца не были спланированы заранее.

- Насчет Германии я не передумала. И насчет Штатов, и вообще. Было бы неплохо итальянца поиметь, но там уже, к сожалению, наше представительство есть и давно здравствует.

Дядя молчит и, отставляя невкусный кофе, я встаю.

- Увидимся на свадьбе.

Теперь до следующего собрания акционеров я предпочту не светиться в его обществе.

- На твоей? - иронию в его голосе ни с чем не перепутать, но глаза острые и жалят иголками.

- Не в этой жизни.

Я разворачиваюсь к выходу. Разговор ни о чем, зря только время потратила.

- Отцу позвони! И матери! Хоть бы слово написала... - тварь неблагодарная вслух не произносится, но достаточно того, что подразумевается.

Ну, какая есть. Родители нежатся на пляжах Майями, а я пашу тут за троих. Отчеты, собрания, налоговые вычеты. Держу бизнес, который мне ни разу не упал. И еще им личную жизнь подавай, внуков и пироги. Размечтались.

- Марина!

Оборачиваюсь уже в дверях. Дядя встает и подходит. От него пахнет морской свежестью и гелем для бритья. Выхоленный, привлекательный мужчина, недавно разменявший шестой десяток. Он задумчиво разглядывает мое лицо, а потом по-отечески, и даже с какой-то тоской в глазах, гладит по плечу.

- Виталия Павловича оставь, ты ему не нужна. У него свадьба скоро, там девушка хорошая, семья...

- И деньги, - веду плечом и сбрасываю его руку. - Не нужен мне ваш Виталий Павлович, - в душе все кипит и плавится, но корка на поверхности толстая и прочная. - Пусть женится, детишек нянчит, мне дела нет. Поиграл, отдай другому. Я не жадная.

- Помнится, ты про Валеру тоже так говорила, - резонно замечает дядя, но пенять мне старыми грехами у него права нет.

Впрочем, ни у кого нет, поэтому я ухожу, оставляя последнюю реплику без ответа. Усталость от обстоятельного семейного разговора по душам накрывает с головой, но я не поддаюсь. Впереди спа, и я намерена провести на массажном столе целый день, хотя, кажется, весь мир сегодня объявил мне войну, потому что у лифта ждет виновник вчерашнего адюльтера.

Есть у Витали такая отрицательная, на мой взгляд, черта характера, как болтливость или, в простонародье, подвешенный язык. В бизнесе вещь незаменимая, не спорю, недаром он занимает в компании кресло начальника отдела по маркетинговой политике, да и в быту не пылится, чего уж там. Но есть одно но - я на дух не переношу врунов, особенно если они пытаются использовать меня в одностороннем порядке. Как правило, за такое положена казнь с отсечением болтливости на месте, но в случае с Виталей месть будет подана холодной.

Он рассматривает меня молча и по чуть тронутым наглой улыбкой губам я понимаю, что Виталя еще не наигрался. Вчерашняя презентация пришлась самцу по душе и тело жаждет продолжения.

Продуманистая беспринципная сволочь.

Я сегодня злая, спасибо родственному разговору по душам, поэтому держать лицо труда не составляет. И, когда двери лифта открываются, я, проскальзываю внутрь первая и вжимаю бархатный на ощупь пластик кнопки в стену. Дорогая, напичканная электроникой коробка реагирует мгновенно, и двери с обеих сторон сжимают лжеца в объятия. Муки боли на лице Витали заставляют меня расплыться в улыбке.

Страдай, сука, как я страдала из-за тебя этой ночью! Если бы не ты со своим неуемным либидо, ноги моей не было в метро! Но лифт в офисном здании умный, а, может, жалости в нем больше, чем во мне, однако Витале все-таки удается просочиться в кабину.

- Ты чертовски сексуальна, - начинает он без предисловий и получает звучную пощечину.

- Еще раз хорошенько подумай.

- Красавица, ну, не злись…

- Какая банальщина! - я отступаю на шаг и скрещиваю руки под грудью. - Тебе мало сломанных ребер, хочешь, чтобы я и руки сломала?

Виталя смеется в ответ - непрошибаемый нахал, и распахивает полы пиджака. Теперь я отчетливо вижу жесткий корсаж под белой тканью рубашки, обхватывающий рельефный торс.

- У меня все цело, Красавица, но спасибо за беспокойство. Давай пообедаем вместе?

Он подходит ближе, зажимая меня в углу. Красивый, с черными вьющимися волосами и высоким лбом, который, говорят, признак большого ума, но не в случае Витали.

– Не могу забыть сладкий вкус твоей кожи… что делаешь сегодня вечером?

Воспоминания прошлой ночи и укуса, который несмотря на все операции над ним, до сих пор адски болит, выводят мою злость на уровень сверхновой.

- Твоими стараниями, - я тоже распахиваю полы пиджака и медленно спускаю вниз шелковый топ на бретелях, оголяя цветную от зеленки ореолу. – В больнице.

Виталя меняется в лице – смех, готовый сорваться с губ, под давлением силы воли капитулирует и сменяется гримасой сожаления, которую так же быстро захлестывает похоть. Карие глаза цвета слабо заваренного чая перемещают фокус внимания на мое лицо, и я почти верю, что он сожалеет, столько невысказанной вины плещется на дне.

Хорошая игра, но мне стало скучно еще вчера.

- Красавица, это я тебя так? Прости, давай я заглажу свою вину, что ты хочешь?

- Чтобы ты отвалил!

Двери лифта разъезжаются в стороны, и я выхожу в холл, не забывая вернуть топ на место. Мне нравится, как Виталя исходит на меня слюной и отпускать его вот так сразу не хочется. Да, невеста, конечно, тоже из высшей лиги, но вообще непонятно, что у них там сейчас, раз он продолжает ко мне клеиться, поэтому есть резон мариновать еще.

Пусть раскошелится на доставку цветов и какое-нибудь украшение, чтобы вымолить прощение. Потратится немного на курьера, может быть, я поужинаю с ним пару раз. Даже знаю где - в голове рождается коварный план, и настроение по экспоненте растет вверх. Определенно, обнадежить Виталю и немного пощипать, чтобы потом красиво бросить, так и не предоставив доступ к телу - гениально.

И справедливо.

Я сажусь на заднее сидение припаркованного у бизнес-центра авто и ловлю в зеркале заднего вида вопросительный взгляд личного водителя.

- В спа.

Ценю его за немногословность и исполнительность. Вообще, на мой взгляд, у людей, работающих обслуживающим персоналом, должно быть всего два качества - покорность и умение держать язык за зубами. Остальному можно научиться, в конце концов, у разных хозяев, разные запросы, но эти два - основа основ.

С водителем мне повезло, чего нельзя сказать об уборщице, этой вредной и сморщенной, как инжир, кореянке Янгхэ, чья беспардонность и любопытство бесят меня нереально! Но, черт возьми, она единственная, кто может обеспечить дома тот уровень чистоты, который я хочу. Навязчивая, до маниакальности чистоплотная – ненавижу ее люто. И без нее не могу. Я вспоминаю письменный стол в кабинете и оставленные Игорем голубые наросты спор на белых листах и звоню в клининг.

- Добрый день. Это Лазарева. Мне нужна Янгхэ, да, на сегодня. Как обычно. И передайте ей, что я рассчитываю на идеальный результат. Особенно в библиотеке.

Отбой даю с улыбкой на лице. Вредная дотошная старушка сегодня очень удивиться. Возвращаться домой, пока следы пребывания Игоря на моей территории не ликвидированы, желания нет, а вот страх есть - иррациональный, больной, но есть.

Кажется, теперь я не смогу даже ночевать дома одна, не говоря уже обо всем остальном. И что же делать? Я люблю свою квартиру, она для меня – остров спокойствия и тишины, а теперь… Остается надеяться на профессионализм Янгхэ и ее маниакальную любовь к чистоте.

Потом я думаю об Игоре. Тоже наглый персонаж. Представляется честным, а сам - бомба замедленного действия, если, конечно, все сказанное им правда. Но мне нет до этого дела. Приказываю себе забыть все произошедшее, как дурной сон, и разблокирую смартфон.

Лента пестрит однотипными фото с Мальдив и Арабских Эмиратов. Девочки пишут милые и никому неинтересные подписи из смайликов к шикарным букетам роз, и я лайкаю все подряд, не забывая лить медовой яд в комментарии. Летом в Москве делать нечего, но у меня бизнес, и я отпускаю море до следующих январских праздников.

В спа появляюсь всего на десять минут позже оговоренного со Светой времени, и звонок подруги застает меня в холле.

- Марина, ты где? – обожаю ее манеру излагать мысли без предисловий и долгих вступлений. – Я честно сопротивлялась до последнего, но сегодня смена Хуана… - она переходит на заговорщический шепот и одними только пошлыми подробностями поднимает мое настроение.

- Педро никогда не простит тебе измены!

- Красота, милая, - это достояние общественности. К тому же, не моя вина, что кто-то умеет работать палочками лучше, чем руками…

О, мне ли не знать, как Хуан работает руками, но, раз я опоздала, то, конечно, самый сладкий пирожок остается подруге. И я переодеваюсь в одноразовое белье, накидываю на плечи мягкий белый халат с люксовой вышивкой логотипа салона и иду за тайкой в кабинет массажа, где высокий и загорелый кубинец будет медленно и вдумчиво разминать мои несчастные мышцы, ласкать бамбуковыми палочками пятки и выкладывать сады камней вдоль позвоночника ближайшие часа три.

ГЛАВА 9

Ранее утро в мегаполисе не лучшее время для прогулок, но другого варианта у Игоря нет. На улице свежо и ясно. От бордюра отъезжает иномарка, и он смотрит вслед серебристому кроссоверу.

Машину жаль, впрочем, хозяйку иномарки тоже, ведь ее ждет не самый удачный день. Не то, чтобы споры позволяют заглядывать в будущее или предсказывают события, нет, но определенный налет обреченности они чувствуют и транслируют безошибочно.

- Можно пройти?

Игорь оборачивается и неосознанно делает шаг назад, пропуская вперед молодую женщину с двумя детьми. Споры на руках чешутся, и он знает, что их тревожит. Молодая кровь, юные носители, тела которых принимают ассимиляцию лучше взрослых и живут в симбиозе не в пример дольше.

Он засовывает руки в карманы джинс и сжимает в кулаки. Смотрит в спину удаляющейся троице, понимая, что не может не подчиниться воле спор, но упрямо продолжая борьбу. Пищит калитка домофона, и только когда потенциальные носители скрываются из вида, Игоря отпускает. Нехотя, медленно, но споры дают ему сделать вдох и расслабить мышцы, из-за которых руки похожи на перетянутые леской колбасы.

Мимо с метелкой в руках проходит дворник. Сухопарый мужчина с длинными крепкими руками и суровым, гладко выбритым лицом. В посадке головы и движении плеч - офицерская стать, и Игорь останавливается, рассматривая его и неосознанно узнавая подробности сложной, но интересной жизни. Сытые споры почти не доставляют дискомфорта. Они не светятся, не чешутся и для стороннего наблюдателя выглядят как не совсем удачные татуировки.

Удивительно, но дворнику нравится его работа. И семья у него замечательная, правильная в какой-то степени. Воспитанная на благодатной почве равенства и взаимопомощи, прошедшая проверку перестройкой и лихими девяностыми. Ему носителем никогда не стать. Умрет раньше, чем ассимилируется, потому что слишком сильный, непоколебимый в своих убеждениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.